

Х.М. ВАЛЬДЕРА ХИЛЬ

СОЦИАЛЬНЫЕ КЛАССЫ И ЭКСПЛУАТАЦИЯ В СССР: РАЗМЫШЛЕНИЯ В СВЕТЕ ТЕОРИИ Э.О. РАЙТА

ВАЛЬДЕРА ХИЛЬ Хуан Мигель – кандидат социологических наук, преподаватель кафедры социологии Университета Гранады, Испания (valgil@ugr.es).

Аннотация. Настоящая статья предлагает попытку теоретического осмысления системы общественных отношений в советском обществе, возникшей как следствие сложившегося в нем способа производства. Анализ опирается на концептуальный аппарат, разработанный неомарксистским социологом Э.О. Райтом. Позиция Райта состоит в том, что социально-экономическая и политическая система в таких обществах представляет собой отличный от капитализма способ производства, основанный на специфических механизмах эксплуатации. Тезисы Райта сопоставлены с идеями других ученых, изучавших советское общество и его историю. В заключение приводятся суждения о специфике механизмов отбора на высшие социальные позиции и принципов восходящей мобильности в советском обществе.

Ключевые слова: неомарксизм • организационные ресурсы • квалификационные ресурсы • переходная формация • государственный социализм • медитократия • бюрократическая меритократия

DOI: 10.31857/S013216250004274-4

Введение. Советский проект, явившийся на свет в результате революции 1917 г. – один из самых масштабных социальных экспериментов в человеческой истории. Он, в частности, привел к кардинальным переменам в социальной структуре общества. Ликвидовав прежде правившие классы и укрепив собственную власть, советские лидеры объявили о новой справедливой системе социальной стратификации. В качестве ключевых характеристик этой системы декларировались следующие: 1) разделение общества на два основных класса (крестьяне и рабочие) и появление нового социального слоя – интеллигенции; 2) поступательное сокращение дистанции между этими тремя социальными группами и – в перспективе – достижение однородности советского общества; 3) ликвидация антагонизма между общественными классами и, как следствие, эксплуатации одного класса другим [Розенталь, Юдин, 1955: 197–198]¹.

Данные постулаты были подвергнуты критике рядом авторов. Разочаровавшись в ожиданиях, югославский коммунист М. Джилас [Djilas, 1957] опубликовал книгу, в которой доказывал, что в социалистических странах государственная бюрократия является эксплуататорским господствующим классом. Позднее советский диссидент М. Восленский [Voslenky, 1981] в работе «Номенклатура» предложил схожие оценки.

После смерти Сталина и наступления хрущевской оттепели некоторые факты о социальной действительности в СССР стали более доступными. Это произошло благодаря постепенному облегчению въезда в страну, которым воспользовались некоторые западные исследователи, пристально изучавшие социальную дифференциацию и стратификацию в Советском Союзе [Inkeles, 1961; Katz, 1972; 1973a; 1973b; Matthews, 1977; 1978; Parkin, 1978;

Автор выражает огромную благодарность Г.А. Ястребову и кафедре социологии Гранадского Университета.

¹Роль перечисленных постулатов с точки зрения легитимации социального неравенства в советском обществе рассмотрена мной отдельно [Valdera, 2015].

Teckenberg, 1982 и др.]. Эти исследования сильно различались в теоретико-методологических основаниях и, зачастую, выводах. Но они тем не менее ставили под сомнение тезис о растущей однородности и бесконфликтном характере классовых отношений в советском обществе. В тому же, начиная примерно с 1970-х гг., стали выходить более профессиональные и менее подверженные влиянию официальной идеологии работы советских социологов: О. Шкаратана [1970] о социальной структуре рабочего класса, антологии на английском языке под редакцией Яновича и Фишера [Yanowitch, Fisher, 1973] и Яновича [Yanowitch, 1986], в которые и вошли работы советских ученых того времени.

В данной статье существующий корпус литературы по обсуждаемой проблематике предлагается дополнить анализом, опирающимся на идеи и подходы американского социолога-неомарксиста Э.О. Райта. В свое время он [Wright, 1983, 1994a, 1994b] придал импульс развитию марксистского подхода в классовом анализе. В частности, работы Райта, его наиболее целостная монография «Классы» [Wright, 1994b], содержат интересные мысли о природе классовой системы в обществах советского типа. Так, признание отношений эксплуатации в СССР, официально отвергавшееся в СССР, составляет основу теории Райта. Прежде чем приступить к анализу системы общественных отношений в СССР, рассмотрю основы данной теории.

Социальный класс: основные черты. В отличие от веберовского понимания социальных классов, в марксистской теории не рынок, а производственные отношения обуславливают социальное положение субъектов и их принадлежность к определенным классам. Социальные классы представляют собой совокупность позиций, объединенных схожими материальными интересами в силу функциональной роли в системе производства. Чтобы понять смысл данного утверждения, необходимо разделить понятие «материальные интересы» на две составляющие: *благосостояние и экономическая власть*.

Под благосостоянием Райт предлагает понимать не только получаемый доход, но и – более широко – характер производственной и внепроизводственной деятельности, в которую вовлечены индивиды [Wright, 1994a: 34]. Другими словами, каждый субъект, вне зависимости от занимаемого им в производственных отношениях места, стремится достичь определенного баланса между работой, досугом и материальным вознаграждением. Так, работая как можно меньше, субъект хотел бы получать максимальные уровень дохода и качество досуга.

Вторая составляющая «материальных интересов» – экономическая власть. Она определяет реальную способность субъектов влиять на принятие решений об использовании прибыли. Контроль над прибавочным продуктом определяет то, какая часть прибыли инвестируется в дальнейшее развитие экономики, а какая присваивается с целью повышения личного благосостояния.

Таким образом, общность субъектов имеет общие материальные интересы, обусловленные производственными социальными отношениями, когда ее члены «стоят перед схожими дилеммами как в части коллективного действия, так и в части индивидуальных устремлений» [Wright, 1994a: 35]. При этом факт, что различные субъекты могут сталкиваться со схожими проблемами в силу общности позиций в системе производственных отношений, не подразумевает, что все они будут принимать согласованные индивидуальные и/или коллективные решения ради достижения своих целей. Сказанное подразумевает только то, что объективные материальные интересы определяют гамму возможностей, открывающих перед каждым индивидом как представителем определенного класса. Работники физического труда, высококвалифицированные специалисты и крупные предприниматели выбирают разные стратегии увеличения своего благосостояния и экономической власти. На индивидуальном уровне наименее квалифицированных работников это может побуждать к поиску дополнительной или сверхурочной работы; предпринимателей – вкладыванию денег в совершенствование технологий, к сокращению части персонала или переводу производства в другие страны; высококвалифицированных

специалистов – к повышению уровня образования, квалификации или эмиграции в страны с большими возможностями.

На коллективном уровне межклассовое неравенство материальных интересов на фоне внутриклассового сходства так или иначе лежит в основе стратегий коллективной организации [Wright, 1994a: 50–52], или, пользуясь формулировкой Маркса, приводит к превращению классов-в-себе в классы-для-себя. Субъекты осознают свои классовые интересы и организуются в синдикаты, ассоциации предпринимателей, профессиональные союзы, политические партии и т.д. При этом предполагается, что посредством коллективного действия они могут увеличить свою экономическую власть и добиваться более справедливого распределения прибыли, которое должно увеличить их экономическое благосостояние.

Трансформация объективных материальных интересов в конкретные индивидуальные или коллективные стратегии, направленные на улучшение собственного благосостояния, происходит через накопление определенного жизненного опыта в процессе классовой социализации. В рамках своей позиции в системе производственных отношений каждый субъект приобретает специфический опыт, связанный с практиками и нормами, свойственными и характерными для данной позиции [Wright, 1994a: 44–45]. Очевидно, что опыт разных классов здесь радикально различается.

Таким образом, если для сторонников Вебера классы возникают как следствие неравноценного рыночного обмена потенциалами (трудом, капиталом, полномочиями), то для Райта и марксистской традиции в целом ключом к понятию класса является неравное распределение благ и экономической власти. Идея эксплуатации подчеркивает тот факт, что человеческие отношения не являются свободными. Асимметричные отношения между социальными классами предполагают присвоение прибавочной стоимости одними классами в ущерб другим и, как следствие, влекут за собой неравенство экономического благосостояния между ними. Это положение связано с другим характерным марксистским тезисом: «порождаемое в результате классовое неравенство, будучи связанным с отношениями эксплуатации, сопровождается классовым противостоянием» [De Francisco, 1994: 5].

Способы производства и эксплуатация. Итак, эксплуатация – центральное понятие теории социальных классов Э.О. Райта. Она определяется «как изъятие части результатов чужого труда, т.е. одного класса другим» [Wright, 1994b: 87]. Эксплуатация предполагает ограничение доступа угнетенных групп к доходам в игре с нулевой суммой: более высокое благосостояние зажиточных классов, осуществляющих присвоение прибавочного продукта, влечет за собой снижение благосостояния менее состоятельных классов. В данном случае Райт дистанцируется от теории трудовой стоимости Маркса и приближается к аналитическому марксизму Рёмера. Райт описывает производство метафорически, как «игру», в которой коалиции участников (социальные классы) владеют производственными ресурсами, которыми они обмениваются по заранее установленным правилам. Способ производства определяет ценность тех или иных производственных ресурсов, а также правила «игры». Что происходит, если одна коалиция прекращает «игру»? Кто оказывается победителем, а кто – побежденным? Райт различает четыре способа производства, каждый из которых основан на особом механизме эксплуатации.

Первый – феодальный способ производства. В его основе лежат трудовые силы. В данной «игре» принимают участие два крупных социальных класса: крестьяне и феодалы. Посредством вассальной зависимости или закрепощения господа владеют частью трудовой силы своих слуг и забирают себе часть прибыли. Если слуги выходят из «игры», то есть перестают работать на условиях вассальной зависимости, «игра» прекращается. Сущность либеральной революций состоит в том, что человек становится хозяином своего производственного потенциала, который может быть временно отчужден в обмен на заработную плату.

Вторая форма эксплуатации, рассматриваемая Райтом, складывается при капитализме. В его основе лежат средства производства. Два основных социальных класса,

принимающих участие в «игре», – буржуазия и пролетариат. Первая владеет средствами производства, вторая – трудом. Буржуазия оплачивает труд пролетариев, работающих по найму, но при этом делает это таким образом, чтобы часть производимой прибавочной стоимости отчуждалась в ее пользу. «Игра» прекращается в момент, когда наемные рабочие выходят из нее, забирая с собой причитающуюся им часть продукта. Это может происходить в форме национализации средств производства, неизменно сопровождающих социалистические революции, а также в форме запрета присвоения прибавочного продукта, создаваемого рабочими, частным индивидуальным порядком.

Этатизм (государственный бюрократический социализм) представляет собой третий способ производства. В его основе лежат организационные ресурсы. В государственной плановой экономике ведущую роль с точки зрения организации производства и распределения производимого продукта играет контроль над принятием решений, сосредоточенный в руках бюрократического класса. Вторым, эксплуатируемым, классом являются рабочие. Выход из этой «игры» происходит в результате демократизации процессов управления (рабочие «выходят», забирая с собой причитающуюся им часть организационных ресурсов), в результате чего возможности присвоения производимого продукта бюрократическим классом становятся более ограниченными [Wright, 1994b: 92].

Райт также приводит рассуждения о специфической форме социалистической эксплуатации, основанной на квалификации. Демократизация контроля над организационными ресурсами не подразумевает уничтожения всех видов неравенства. Марксистская максима «от каждого по возможностям, каждому – по его труду» лежит в основе последнего типа эксплуатации. Развитая отраслевая система, предполагающая существование более продвинутых отраслей наряду с менее продвинутыми, требует наличия рабочих со специальными навыками и знаниями. Таким образом, общество делится на «специалистов» и «неспециалистов». Более высокий уровень квалификации открывает возможности удержания большей части производимого продукта. Эксплуатация в такой системе возникает вследствие ограниченного доступа к квалификации, специальным знаниям и навыкам. Выравнивание возможностей доступа к этим ресурсам является инструментом избавления от данной формы эксплуатации, однако оно не способно само по себе обеспечить автоматическое выравнивание уровня доходов. Тем не менее оно, по крайней мере, способно обеспечить более справедливое их распределение, в основе которого будет лежать не изъятие результатов труда одного класса другим, а объективные различия в производительности между субъектами.

Советская система стратификации – переходная формация? Отталкиваясь от официальных взглядов и размышлений советских социологов [Аитов, 1963; Белозерцев, Фомина, 1963; Глезерман, 1963; 1964; 1966], польский социолог Джанина Маркевич-Ланьё отмечает существование в советском обществе четырех наиболее существенных измерений стратификации. Различия между социальными группами в рамках каждого из этих измерений, в отличие от капиталистических стран, не носили антагонистический или конфликтный характер. Более того, предполагалось, что эти различия будут стираться по мере движения от социализма к коммунизму. Этим типам стратификации принадлежала центральная роль в построении нового общества [Markiewicz-Lagneau, 1971: 55–79]:

– деревня и город как источник разделения на рабочих и крестьян – основные социальные классы в Советском Союзе (ключевое различие – между государственной собственностью, хозяином которой признавался рабочий народ, и кооперативной крестьянской собственностью);

– разделение труда на физический и умственный как источник разделения на рабочих и интеллигенцию;

– различия в системе оплаты труда, поддерживаемые для того, чтобы стимулировать производительность рабочих;

– разделение на управляющих и управляемых.

Маркевич-Ланьё [там же: 83] утверждает, что эти четыре типа стратификации так или иначе связаны с различиями уровней квалификации. Городские рабочие места требуют более высокой квалификации, чем рабочие места в сельском хозяйстве. В том, что касается дифференциации заработной платы, все тоже очевидно – более высокооплачиваемые профессии требуют более высокой квалификации. Наконец, разделение на руководителей и подчиненных также предполагало различие по уровню квалификации, поскольку исполнение политико-административных функций требует наличия специальных навыков и знаний.

Изложенные идеи открывают возможность дискуссии по следующим двум направлениям:

– квалификация является наиболее значимым измерением социальной стратификации в СССР. Это положение, высказанное Маркевич-Ланьё, отсылает нас к социалистическому типу эксплуатации или к сценарию, в котором эксплуатация отсутствует;

– неравное распределение организационных ресурсов в советском обществе обуславливает возникновение новой формы эксплуатации. В этом аспекте мысли Райта перекликаются с идеями Джиласа [Djilas, 1957], Катца [Katz, 1972; 1973a], Восленского [Voslensky, 1981].

Решение вопроса о первичности организационных ресурсов или квалификации при истолковании природы эксплуатации в СССР требует обращения к марксистскому пониманию истории. Марксизм привязывает глубокие трансформации к противоречиям, возникающим внутри способа производства. Телеологический принцип, предполагающий эволюцию обществ от менее развитых к более развитым, подсказывает предположение о наличии причинно-следственной связи между эксплуатацией и трансформацией. Рано или поздно классовые конфликты приводят к открытому противостоянию между двумя главными коалициями, которые, как магнит, притягивают все остальные, второстепенные, классы. В таком противостоянии нет места полутонам (например, средним классам) – именно поэтому марксистские теории описывают классовую структуру в дихотомических терминах, заведомо упрощая более сложную конфигурацию интересов, встречающихся в реальной жизни, до более понятной и наиболее вероятной конфигурации этих интересов в случае предельной поляризации конфликта. Впрочем, справедливости ради, напомним, что Маркс в ряде случаев отступает от дихотомии буржуазия/пролетариат при анализе конкретных исторических эпизодов. Так, в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» [Marx, 2003], объясняя триумф Наполеона III, он обращает внимание на довольно специфические факторы, характерные для Франции того времени (значимость мелкой буржуазии и парцелльного крестьянства), оказавшие на развитие истории более существенное влияние, чем противостояние буржуазии и пролетариата.

Труды Джиласа и Восленского, посвященные номенклатуре, а также вклад Райта в понимание природы этатизма, вписываются в область *всеобщей истории*, где направление трансформации объясняется в первую очередь через противоречия в господствующем способе производства. Анализ, в котором центральная роль отводится социально-экономическим формациям, не заставляет нас априори отказаться от квалификационных или организационных ресурсов. Ничто не мешает их сосуществованию в одной социальной структуре, даже если мы согласимся с тем, что эти ресурсы характерны для различных способов производства. Именно в этом заключается идея Райта, связанная с современными капиталистическими обществами, сложными социальными структурами, где сосуществуют различные формы эксплуатации (капиталистическая, с использованием организационных и квалификационных ресурсов).

Организационные ресурсы. Продолжение квалификационных ресурсов или нечто иное? Различие, проводимое Райтом между этатизмом и социализмом, состоит в преобладании в каждом из этих двух способов производства определенного типа ресурсов: организационных или квалификационных. Однако сам он ставит под сомнение теоретическую состоятельность подобной классификации.

В первую очередь он не находит какой-либо явной симметрии между организационными и другими видами ресурсов (рабочая сила, средства производства и квалификация). Владение организационными ресурсами следует понимать в широком смысле как

полномочия в принятии решений, влияющих на организацию посредством назначения на ключевые места близких и доверенных людей. Однако «утверждать, что благодаря такому контролю руководители лично владеют организационными ресурсами, означало бы неверно трактовать слово “собственность”» [Wright, 1994b: 93]. В свое время Троцкий [Trotsky, 2001: 212] раскритиковал попытку приравнять капиталистическое право собственности к контролю, осуществляемому советской бюрократией над государством. Его аргумент состоял в том, что бюрократия не имела личных прав на ресурсы, принадлежавшие обществу, и не могла передать их по наследству. В отличие от капитализма социальное воспроизводство бюрократического класса в этатизме осуществлялось не через наследование собственности (средств производства), а через встраивание и продвижение по административной лестнице. Чем выше было положение на данной лестнице, тем выше были возможности для паразитирования на государственной собственности.

Во-вторых, Райт дает понять, что организационные ресурсы концептуально отличаются от средств производства. Владеют ли руководители средствами производства? Так, например, сторонник теории государственного капитализма и Восленского Клифф [2000] в свое время выдвинул идею кооперативной собственности бюрократии. Номенклатура отчуждает прибавочный продукт и распределяет прибыль посредством коллективной апроприации, а не частной, как это происходит в рыночных обществах. Но, на наш взгляд, ответы, данные Восленским и Клиффом, не до конца проясняют суть вопроса, так как не принимают в расчет проблему трансформации и роста прибавочного продукта. В современных рыночных обществах руководители высшего звена и специалисты направляют часть полученных доходов (от эксплуатации собственных организационных и квалификационных ресурсов) на приобретение акций или долевого участия в компаниях, благодаря чему они получают возможность стать хозяевами средств производства. Другими словами, благодаря принципиальной возможности *капитализации* квалификационных и организационных ресурсов, руководители и специалисты приближаются к классу буржуазии, несмотря на то что формально при этом они являются наемными работниками. Однако ни руководитель высшего звена на советском предприятии, ни видный партийный функционер, ни инженер в программе по освоению космоса не имели права использовать свои организационные и квалификационные ресурсы ради улучшения своего экономического благосостояния [Wright, 1994b: 94]. Их привилегированное положение в системе выражалось лишь в возможности поддерживать более высокий уровень потребления по сравнению с обычными советскими гражданами.

В-третьих, Райт [Wright, 1994b: 109] сближается с тезисами Маркевич-Ланьё, которая утверждает, что квалификационные ресурсы могут служить ключом, открывающим доступ к другим факторам, включая те, что лежат в основе разделения на руководителей и подчиненных. Для получения большинства руководящих должностей необходимо наличие диплома о полученном образовании. Даже если мы согласимся с тем, что доход от присвоения излишков производства выше того, который подразумевается при наличии диплома, владение последним открывает доступ к должностным привилегиям. Более того, опыт, приобретенный в результате работы на руководящих постах, должен расцениваться (даже при отсутствии документов об образовании) как квалификационный ресурс.

Орландо Файджес [Figes, 2009: 241–242] приводит ряд фактов, которые могут обогатить нашу дискуссию о квалификационных и организационных ресурсах. В начале тридцатых годов Сталин начал замещать технические кадры буржуазного происхождения выдвинутыми. Они имели крестьянское или пролетарское происхождение и проходили сокращенный курс обучения, не более четырех лет, в школах фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). Благодаря стремительному развитию восходящей мобильности, они занимали наивысшие политические и руководящие посты советской системы. Их отличительными чертами были конформизм и нерушимая вера в Сталина. Эти специалисты стали опорой сталинского режима и сыграли ведущую роль в смещении старых большевиков из аппаратов управления. В 1952 г. из 115 министров советского правительства 57 были

выдвиженцами. Среди них находились такие видные в будущем руководители, как Леонид Брежнев, Андрей Громыко или Алексей Косыгин. Однако после Второй мировой войны в структуре руководящей элиты стали происходить изменения. Новые кадры отличались от выдвиженцев тридцатых годов более высоким уровнем профессионально-технического образования и меньшим идеологическим догматизмом.

«В среде представителей советской элиты профессиональная пригодность стала цениться выше, чем пролетарские ценности. Создание этого профессионального класса было частью направленной политики сталинского режима, предусматривавшей необходимость формирования широкого и надежного социального слоя, состоящего из инженеров, административных работников и руководителей, не только для соперничества с капиталистическими странами, но и для стабилизации советской системы путем создания более надежной социальной базы» [Figes, 2009: 645–646].

Идея о том, что квалификационные ресурсы являются ключом к контролю над организационными ресурсами, получает подтверждение. В тридцатые годы значимость квалификации по сравнению с политической благонадежностью была небольшой. По мере того, как образовательные учреждения стали выпускать специалистов, прошедших обучение в советское время, значение образования для руководителей начало возрастать, укрепляя тем самым связь между квалификационными и организационными ресурсами.

В-четвертых, Райт [Wright, 1994b: 110] предлагает альтернативную гипотезу истолкования сущности организационных ресурсов. Руководящие и бюрократические посты в системе, сходной с советской номенклатурой, имеют стратегический характер. По мнению Райта, эти должности почти не подлежат внешнему контролю, но их исполнение оказывает значительное влияние на успешный ход производственного процесса и управление государством. При этом Райт отдалается от упрощенных марксистских концепций бюрократии, согласно которым, как считали Троцкий и Восленский, бюрократия представляет собой паразита, питающегося за счет общей прибыли.

Заключение. Вернемся к вопросу о стратегическом характере организационных ресурсов. Для более глубокого изучения этой темы обратимся к сравнительному исследованию социальной мобильности Шкаратана и Ястребова [Shkaratan, Yastrebov, 2012]. В этой работе авторы констатируют стагнацию процессов восходящей социальной мобильности в последнее десятилетие существования СССР (1974–1983), а также очевидное снижение ее интенсивности в постсоветский период (1994–2006). Ввиду отсутствия более глубоких исследований по данной теме, Шкаратан и Ястребов выдвигают гипотезу, согласно которой преобладающая система социальной мобильности, характерная как для советского периода, так и для современной России, держится не на принципах *меритократии*, но на принципах *медитократии* [Shkaratan, Yastrebov, 2012: 25, 63]. Другими словами, речь идет о системе, в которой построение профессиональной карьеры и продвижение по социальной лестнице зависит больше от политической лояльности или личных связей, чем от строго профессиональных заслуг.

В какой степени то, что авторы называют *медитократией*, зависит от доступа к организационным ресурсам стратегического характера? И в какой мере принципы *медитократии* отличны от принципов подбора кадров в любой другой социальной структуре (независимо от того, имеется ли в виду социалистическое или капиталистическое общество), где контроль над организационными ресурсами подразумевает экономическую, политическую или военную власть? Вернемся к примеру *выдвиженцев* советской эпохи. Несмотря на то что уровень образования выдвиженцев по сравнению с миллионами безграмотных крестьян был выше, в своей профессиональной области выдвиженцы имели низкую квалификацию. В тридцатые годы так называемые буржуазные специалисты, то есть технологи, специалисты и директора, получившие образование в царское время, были, безусловно, лучше подготовлены для работы на руководящих постах, чем выдвиженцы. Однако в ситуации, когда их лояльность новому режиму ставилась под сомнение, их квалификация теряла значение.

Контроль над организационными ресурсами можно сравнить с дверью, открываемой с двух сторон разными ключами. Квалификационные ресурсы – это ключ, подходящий к замку с внешней стороны двери. Согласно точке зрения Файджеса, чем быстрее развивается промышленная экономика и, соответственно, растет потребность в научных знаниях, тем выше становится уровень квалификации специалистов, занимающих должности, связанные с управлением и контролем. По крайней мере, это касается должностей, которые хоть и связаны с политической ответственностью, но требуют, как минимум, наличия соответствующего профессионально-технического образования. Тем не менее путь к руководящим местам зависит не только от квалификации. Дверь должна быть открыта изнутри, а тот, кто держит ключ от нее, должен пригласить войти. Приверженность и преданность членам высших в иерархии социальных позиций и, прежде всего, преемственность административно-бюрократической структуры, приобретают большую значимость, чем непосредственно профессиональная пригодность.

Говоря о процессе отбора руководителей и управленцев в СССР, Миланович [Milanovic, 2011: 57] использует выражение *меритократической бюрократии* с целью подчеркнуть открытый характер системы подбора кадров, не зависящий от их социального и экономического происхождения. Гидденс [Giddens, 1983: 121] также обращает внимание на эту отличительную черту советской бюрократии. В свою очередь, мы предлагаем расширить содержание этого понятия в соответствии с его этимологическим значением. Лояльность, подчинение властям и поддерживаемой ими идеологии или же заискивание и лесть являются высоко оцениваемыми качествами или заслугами при получении стратегических должностей в организационных структурах.

Насколько актуален представленный выше анализ? С одной стороны, Советский Союз как политическая, экономическая, социальная и культурная реальность перестал существовать. С другой, нельзя отрицать, что советское наследие оказывает влияние на современное российское общество. Отчасти это касается и механизмов социального расслоения. Так, например, рассмотренные выше механизмы отчуждения, основанные на неравном доступе к квалификационным и организационным ресурсам, не являются чертой исключительно советского общества. В каком-то смысле данный тип неравенства универсален для современных обществ, чей экономический рост и благополучие зависят от качества человеческого капитала и эффективности управленческих иерархий. Современная Россия в данном случае – не исключение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аитов Н.А. Некоторые особенности изменения классовой структуры в СССР // Вопросы философии. 1963. № 3. С. 27–39.
- Белозерцев В.И., Фомина В.А. Коммунистическое разделение труда не исключает всестороннего развития человека // Вопросы философии. 1963. № 9. С. 26–40.
- Глезерман Г.Е. От классовой дифференциации к социальной однородности // Вопросы философии. 1963. № 2. С. 11–21.
- Глезерман Г.Е. Отношения и интересы людей при социализме // Коммунист. 1964. № 12. С. 44–54.
- Глезерман Г.Е. Интерес как социологическая категория // Вопросы философии. 1966. № 10. С. 15–26.
- Розенталь М.М., Юдин П.Ф. Краткий философский словарь. М.: Госполитиздат, 1955.
- Шкаратан О.И. Проблемы социальной структуры рабочего класса в СССР. М.: Мысль, 1970.
- Cliff T. Capitalismo de Estado en la URSS. Barcelona: Ediciones En lucha, 2000.
- De Francisco A. Problemas del análisis de clase: a modo de introducción // Teorías Contemporáneas de las Clases Sociales. Ed. by J. Carabaña., A. De Francisco. Madrid: Editorial Pablo Iglesias, 1994. P. 1–16.
- Djilas M. The New Class: an Analysis of the Communist System. New York: Praeger, 1957.
- Figes O. La revolución rusa (1891–1924): la Tragedia de un Pueblo. Barcelona: Edhasa, 2000.
- Giddens A. The Class Structure of the Advanced Societies. London: Hutchinson, 1983.
- Inkeles A. Myth and Reality of Social Classes // Soviet Society: a Book of Readings. Ed. by A. Inkeles, K. Geiger. London: Constable and company LTD, 1961. P. 558–573.
- Katz Z. Patterns of Social Stratification in the USSR. Cambridge, MA: Centre for International Studies MIT, 1972.

- Katz Z. *The Nachalnik (Executive) Class in the USSR*. Cambridge, MA: Centre for International Studies MIT, 1973a.
- Katz Z. *Patterns of Social Mobility in the USSR*. Cambridge, MA: Centre for International Studies MIT, 1973b.
- Markiewicz-Lagneau J. *Estratificación y movilidad social en los países socialistas*. Madrid: Siglo XXI, 1971.
- Marx K. *El dieciocho brumario de Luis Bonaparte*. Madrid: Alianza, 2003.
- Matthews M. *Clases y sociedad en la Unión Soviética*. Madrid: Alianza, 1977.
- Matthews M. *Privilege in the Soviet Union: a Study of Elite Life-styles under Communism*. London: Allen&Unwin, 1978.
- Milanovic B. *The Haves and the Have-not: a Brief and Idiosyncratic History of Global Inequality*. New York: Basic Books, 2011.
- Parkin F. *Orden político y desigualdades de clase: estratificación social de las sociedades capitalista y comunista*. Madrid: Debate, 1978.
- Shkaratan O.I., Yastrebov G.A. *A Comparative Analysis of the Processes of Social Mobility in the USSR and in Today's Russia // Russian Education and Society*. 2012. № 54(5). P. 24–64.
- Teckenberg W. *The Social Structure of the Soviet Working Class: Toward an Etatist Society? // International Journal of Sociology*. 1982. № 6(4). P. 2–163.
- Trotsky L. *La revolución traicionada*. Madrid: Fundación Federico Engels, 2001.
- Valdera-Gil J.M. *The Legitimation of Social Inequality in Soviet Ideology during the Stalin Era // Mir Rossii*. 2015. № 24(4). P. 29–59.
- Voslensky M. *La nomenclatura: los privilegiados en la URSS*. Barcelona: Argos Vergara, 1981.
- Wright E.O. *Clase, crisis y Estado*. Madrid: Siglo XXI, 1983.
- Wright E.O. *Reflexionando una vez más sobre el concepto de estructura de clases // Teorías contemporáneas de las clases sociales*. Ed. by J. Carabaña., A. De Francisco. Madrid: Editorial Pablo Iglesias, 1994a. P. 17–25.
- Wright E.O. *Clases*. Madrid: Siglo XXI, 1994b.
- Wright E.O. *Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis*. New York: Cambridge University Press, 1997.
- Yanowitch M., Fisher W. (comp.). *Social Stratification and Mobility in the USSR*. White Plains; New York: International Arts and Sciences Press, 1973.
- Yanowitch M. (comp.) *The Social Structure of the USSR*. New York: M.E. Sharpe. 1986.

Статья поступила: 25.10.18. Принята к публикации: 24.12.18.

SOCIAL CLASSES AND EXPLOITATION IN THE USSR: REFLECTIONS FROM THE PERSPECTIVE OF E.O. WRIGHT'S THEORY

VALDERA-GIL J.M.

University of Granada, Spain

Juan M. VALDERA-GIL, Ph.D. (Sociol.), Lecturer in the Department of Sociology, University of Granada, Spain (valgil@ugr.es).

Abstract. This article offers a theoretical reflection of the nature of the Union of Soviet Socialist Republics (USSR). We refer specifically to those assets control or possession of which can help explain hierarchies within the social stratification system. For this purpose, we examine E.O. Wright's concepts of social class and exploitation. This neo-Marxist sociologist has indicated that the dominant socioeconomic and political system of socialist societies like the USSR represented a specific mode of production. In this regard, the mechanism of economic exploitation was different from the capitalist mode of production. In a nationalised, centralised and planned economy, control over decisions that preserve the bureaucracy (concerning the organisation of production and distribution) helps to determine the share of social wealth. Thus in the USSR, the higher classes, comprising high-ranking bureaucrats and highly qualified specialists, possessed the economic power to decide the destiny of their socially generated excess and enjoyed a higher level of well-being, defined as the relationship between leisure and work. Had democratisation of the economic management occurred, including greater access among the unprivileged classes to organisational assets, the bureaucrats would have seen their capacity to appropriate social wealth cut significantly. Finally, we question specific means of recruitment to higher positions in the social system of stratification.

Keywords: neo-marxism, organisational assets, skill/credential assets, transitional economic formation, state socialism, "mediocracy", "bureaucratic meritocracy".

REFERENCES

- Aitov N.A. (1963) Some Features of the Change in Class Structure in the USSR. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. No. 3: 27–39 (In Russ.)
- Belozertsev V.I., Fomina V.A. (1963) The Communist Division of Labor Does not Exclude the Complete Development of Man. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. No. 9: 26–40. (In Russ.)
- Cliff T. (2000) State Capitalism in the USSR. Barcelona: En Lucha.
- De Francisco A. (1994) Problems of Class Analysis: an Introduction. In: Carabaña J., De Francisco A. (eds) *Contemporary Theories of Social Classes*. Madrid: Pablo Iglesias Publishers: 1–16. (In Spanish)
- Djilas M. (1957) *The New Class: an Analysis of the Communist System*. New York: Praeger.
- Figes O. (2000) *A People's Tragedy: the Russian Revolution 1891–1924*. Barcelona: Edhasa. (In Spanish)
- Giddens A. (1983) *The Class Structure of the Advanced Societies*. London: Hutchinson.
- Glezerman G.E. (1963) About Class Differentiation and Social Homogeneity. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. No. 2: 11–21 (In Russ.)
- Glezerman G.E. (1964) People's Relations and Interests in the Socialism. *Kommunist* [Communist]. No. 12: 44–54 (In Russ.)
- Glezerman G.E. (1966) The Interest as a Sociological Category. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. No. 10: 16–26 (In Russ.)
- Inkeles A. (1961) Myth and Reality of Social Classes. In: Inkeles A., Geiger K. (eds) *Soviet Society: a Book of Readings*. London: Constable: 558–573.
- Katz Z. (1972) *Patterns of Social Stratification in the USSR*. Cambridge, MA: Centre for International Studies MIT.
- Katz Z. (1973a) *The Nachalnik (Executive) Class in the USSR*. Cambridge, MA: Centre for International Studies MIT.
- Katz Z. (1973b) *Patterns of Social Mobility in the USSR*. Cambridge, MA: Centre for International Studies MIT.
- Markiewicz-Lagneau J. (1971) *Stratification and Social Mobility in the Socialist Countries*. Madrid: Siglo XXI. (In Spanish)
- Marx K. (2003) *The 18th Brumaire of Louis Bonaparte*. Madrid: Alianza. (In Spanish)
- Matthews M. (1977) *Class and Society in Soviet Russia*. Madrid: Alianza. (In Spanish)
- Matthews M. (1978) *Privilege in the Soviet Union: a Study of Elite Life-styles under Communism*. London: George Allen&Unwin.
- Milanovic B. (2011) *The Haves and the Have-not: a Brief and Idiosyncratic History of Global Inequality*. New York: Basic Books.
- Parkin F. (1978) *Class Inequality and Political Order: Social Stratification in Capitalist and Communist Societies*. Madrid: Debate. (In Spanish)
- Rozental M.M., Yudin P.F. (1955) *The Concise Philosophical Dictionary*. Moscow: Gospolitizdat. (In Russ.)
- Shkaratan O.I. (1970) *USSR's Working Class Social Structure Problems*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Shkaratan O. I., Yastrebov G.A. (2012) A Comparative Analysis of the Processes of Social Mobility in the USSR and in Today's Russia. *Russian Education and Society*. Vol. 54. No. 5: 24–64.
- Teckenberg W. (1982) The Social Structure of the Soviet Working Class: Toward an Etatist Society? *International Journal of Sociology*. Vol. 6. No. 4: 2–163.
- Trotsky L. (2001) *The Revolution Betrayed*. Madrid: Federico Engels Publishers. (In Spanish)
- Valdera-Gil J.M. (2015) The Legitimation of Social Inequality in Soviet Ideology during the Stalin Era. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 24. No. 4: 29–59. (In Russ.)
- Voslensky M. (1981) *Nomenklatura: the Soviet Ruling Class*. Barcelona: Argos Vergara. (In Spanish)
- Wright E.O. (1983) *Class, Crisis and the State*. Madrid: Siglo XXI Publishers. (In Spanish)
- Wright E.O. (1994a) Rethinking Once Again the Concept of Class Structure. In: Carabaña J., De Francisco A. (eds) *Contemporary Theories of Social Classes*. Madrid: Pablo Iglesias Publishers: 17–125. (In Spanish)
- Wright E.O. (1994b) *Classes*. Madrid: Siglo XXI Publishers. (In Spanish)
- Wright E.O. (1997) *Class Counts: Comparative Studies in Class Analysis*. New York: Cambridge University Press.
- Yanowitch M., Fisher W. (comps) (1973) *Social Stratification and Mobility in the USSR*. White Plains; New York: International Arts and Sciences Press.
- Yanowitch M. (comp.) (1986) *The Social Structure of the USSR*. New York: Sharpe.

Received: 25.10.18. Accepted: 24.12.18.